

БАШНЯ

ЮРИЙ ШИБЛЕВ

18+

Юрий Шиблев

Башня

«Автор»

2026

Шиблев Ю.

Башня / Ю. Шиблев — «Автор», 2026

«Устами своими притворяется враг, а в сердце своём замышляет коварство.»Притчи 26:24В мире, где друзья становятся врагами, а деньги решают всё, трудно остаться человеком. Иногда — невозможно. Особенно если ты привык быть на вершине.Нуарная повесть о предательстве, мести и цене, которую платит человек за свободу.

© Шиблев Ю., 2026

© Автор, 2026

Юрий Шиблев

Башня

Пролог.

«И сказал Господь Каину: где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему?»

Бытие 4:9

Сидя в прокуренной комнате за обшарпанным столом, со стаканом терпкого виски и полупустой бутылкой, я невольно задумался: как же я достиг этого социального дна?

Убранство комнаты было скромным. Поеденный клопами диван, служивший мне кроватью. Тёмные от сигаретного дыма, частично отклеившиеся обои. Старый ламинат с пятнами свежей крови. Открытое настежь окно впускало в эту душную атмосферу немного свежего воздуха, но его не хватало. Никогда не хватало.

Я вытащил из пачки последнюю сигарету, медленно подкурил и втянул в лёгкие терпкий, горький дым. Он обжёг горло. Приятно. Хороший табак — единственное, на чём я ещё не сэкономил.

В ванной комнате раздался шум и возня.

Тяжело вздохнув, я встал со стула и направился к источнику шума, по пути доставая из кармана складной нож. Старая костяная рукоять легла в ладонь как родная. Я открыл покосившуюся деревянную дверь, и в нос ударил резкий, неприятный запах крови и гнили. Сладковатый. Приторный. Такой, к какому невозможно привыкнуть, сколько ни пытайся.

Он лежал голый, закованный в наручники, покрытый свежими порезами. Неглубокими — я старался не задеть ничего важного. Его глаза округлились, и в них плескался океан первобытного ужаса.

—

Я тебе заплачу, только отпусти меня, я никому не скажу.

Он пытался подняться мне навстречу, но с перерезанными сухожилиями это было проблематично. Смешно. Беспомощно. Жалко.

—

Деньги. Почему вы всё пытаетесь мерить деньгами? Всё хотите купить, продать, обменять.

Я обработал лезвие спиртом и тщательно вытер его полотенцем, о чистоте которого можно было поспорить. Но я не мог перебороть в себе этот бзик — мой ритуал. Впрочем, не сейчас об этом.

Если быть честным с собой, совсем недавно я был таким же. Всю жизнь я мерил людей толщиной кошелька и теми возможностями, которые он открывал. Дорогая одежда. Хорошее

виски. Продажная любовь. Власть. Мне казалось, что я неуязвим, что я на вершине мира. Но судьба расставила всё по местам.

Упав с Олимпа, я увидел истину. Настоящая сила не в деньгах. Не в статусе. Не в связях. Настоящая сила — в свободе. Сейчас я свободен делать что хочу. Никаких границ. Никаких переживаний. Никаких угрызений совести.

—

Что тебе от меня нужно? Чего ты хочешь?!

Мой гость сорвался на крик, и его слёзы ручьём текли по порезанным щекам. Капли падали на грязный кафель, смешиваясь с кровью. Кап. Кап. Кап.

—

Я хочу, чтобы ты понял. Но ты не смог. Я хотел, чтобы ты знал. Но знаний недостаточно. Я покажу тебе. И только тогда ты либо умрёшь, либо поймёшь.

Лезвие ножа аккуратно скользило по его лицу. Без нажима. Он не чувствовал боли — пока. Но его глаза судорожно следили за лезвием с нескрываемым ужасом и ожиданием. Я не торопился. Я хотел, чтобы ожидание боли было мучительнее самого действия.

Нож опустился к шее. Я чувствовал пульсацию вены, проходящую через холодную сталь и плавно перетекающую в рукоять. Глаза на секунду заполонила красная пелена. Мой внутренний хищник снова почти завладел мной.

Благо дыхательная техника снова помогла. Медленный вдох. Задержка. Медленный выдох. Пелена отступила. Я быстро вышел из ступора. Но я упустил момент.

Мой гость резко подался вперёд.

Нож вошёл в шею как в масло. Кровь горячей струёй потекла по лезвию. От неожиданности я отдёргнул руку, и тело гостя упало вниз, на пол, вогнав нож по самую рукоять.

Гнев и разочарование захлестнули меня. Всё не так! Должно было быть по-другому! Он сбежал от урока, как трус! Мерзость. Мразь. Ублюдок.

Я не заметил, как в исступлении пинал уже окоченевший труп. Остановился. Нужно успокоиться. Нужна сигарета. Вспомнив, что я выкурил последнюю, я начал собираться в магазин.

Надев пальто, я на мгновение задержался перед большим зеркалом, стоявшим в прихожей. В отражении на меня смотрел болезненно худой, лысый человек с серыми безжизненными глазами. Старые потёртые спортивные штаны висели на мне как на вешалке. Чёрная майка казалась на два размера меньше, хотя раньше была впору. Старые чёрные берцы были наполовину расшнурованы. И лишь итальянское дорогое пальто выделялось на фоне этого образа бомжа.

Я не мог смотреть на себя. Я разбил зеркало кулаком, и миллион мелких осколков посыпались на грязный пол. Кулак был весь в порезах и с кусочками мелкого стекла, но я не обра-

щал внимания на такую мелочь. Сняв с вешалки шарф, я замотал повреждённую руку и, окинув своё пристанище взглядом, ушёл прочь в ночной город.

И это был конец. Осталось только вспомнить, с чего всё началось.

«И ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей.»

Бытие 4:11

1.

«Погибели предшествует гордость, и падению — надменность.»

Притчи 16:18

—

Доброе утро, Сергей Юрьевич. Время — восемь ноль-ноль. За окном плюс двенадцать, переменная облачность, без осадков. Пришло время вставать и покорять мир.

Мягкий женский голос Алисы выдернул меня из мира Морфея. Я открыл глаза и сладко потянулся, не желая вылезать из шёлковой западни кровати. Ещё один день. Ещё одно утро. Ещё одна возможность доказать себе и миру, что я — лучший.

—

Алиса, включи музыку и запусти кофеварку.

Привычным движением я расстелил коврик для йоги и приготовился к утренней рутине. Мой мозг должен отдыхать, поэтому лёгкая йога отлично готовила разум для тяжёлого рабочего дня, постепенно разгоняя его. Плавные движения. Размеренное дыхание. Вдох — задержка — выдох. В этой простоте было что-то почти медитативное.

После йоги — обязательная чашка горячего, свежесмолотого и сваренного кофе. Не растворимого пойла, которое пьют плебеи, а настоящего — из зёрен, привезённых специально для меня из Коста-Рики. Кофеин должен был держать нервную систему в тонусе. Я пил его медленно, стоя у панорамного окна, глядя на просыпающийся город внизу.

Серый. Сонный. Мой.

Контрастный душ завершал пробуждение. Горячая вода сменялась ледяной, и тело наполнялось силой, упругостью, готовностью. Стоя под струями, я чувствовал, что почти готов выйти в свет. Почти.

Обязательный уход за лицом с помощью дорогой корейской косметики — это не просто ритуал. Это моя жизненная необходимость. Я всеми силами сохранял молодость и упругость кожи. Внешний вид — обязательная часть моей работы. Люди смотрят на тебя и за первую секунду решают, кто ты. Я хотел, чтобы они решали правильно.

Оставался финальный этаж. Стоя напротив огромной гардеробной, я был погружён в муки выбора. Какой костюм надеть сегодня? Начало недели — логично было бы выбрать спокойный тон. Синий. Или серый. Но настроение было хулиганское. Сегодня выбор пал на тёмно-

зелёный костюм в клетку и кожаные коричневые туфли. Стильная восьмиклинка, пальто в тон, затемнённые очки. И, естественно, элегантная трость — чёрное дерево, серебряный набалдашник. Не просто аксессуар. Оружие. Но об этом никто не знал.

Я посмотрел на себя в зеркало. Высокий. Подтянутый. Безупречный. Осколок того зеркала — из прокуренной комнаты — ещё не существовал в этом моменте. Но он уже ждал меня где-то в будущем. Я просто ещё не знал об этом.

—

До вечера, Алиса. Время покорять мир наступило.

Я задорно сказал это в пустоту квартиры и вышел навстречу жестокому, но чертовски весёлому миру современного мегаполиса.

Коридор встретил меня привычной тишиной. Дорогой ковёр, приглушённый свет, запах кондиционера. Я закрыл дверь и направился к лифту.

Она уже ждала.

Красивые, элегантные, иссиня-чёрные туфли на высоком каблуке. Чёрное обтягивающее платье, выгодно подчёркивающее фигуру. Минимум украшений — тонкая цепочка на шее, маленькие серьги. Чёрные длинные волосы, спадающие на плечи. Зелёные глаза, в которых можно утонуть. И парфюм — дорогой и необычный. Крыжовник и чёрная смородина. По крайней мере, в моей голове была такая ассоциация.

Моя соседка напротив.

Каждое утро, с понедельника по пятницу, словно ритуал, мы встречались в лифте и молча ехали вниз, в фойе. За те два года, что я живу здесь, я ни разу не спросил её имени. Не завёл даже банального житейского разговора. Кроме дежурного «здравствуйте» между нами не было никаких контактов. Не потому, что она меня не интересовала или отталкивала. Напротив. Мне нравилось просто наблюдать со стороны, наслаждаться ею как произведением искусства.

Сегодня на ней было тёмно-синее платье — новое, я не видел его раньше. Оно сидело безупречно. Я отметил это краем глаза, но ничего не сказал. Она тоже молчала.

Лифт мягко загудел, унося нас вниз. Двадцать этажей. Два года. Тысячи спусков. И ни одного разговора по душам. Идеальные отношения.

Двери открылись. Я молча вышел, потеряв к ней всякий интерес. Прошёл мимо стойки администратора. Поприветствовал его дежурной, безэмоциональной, фальшивой улыбкой. Он ответил мне зеркально — так же без эмоций. Я понимал, что он вынужден, в силу своей должности, быть любезным с нами — порой высокомерными, избалованными, богатыми ублюдками. Я понимал, что он с удовольствием сжёг бы нас всех и, радостно улыбаясь, ушёл в закат. Ну да и чёрт с ним.

Отбросив глупые мысли, я толкнул стеклянную дверь и вышел в утреннюю прохладу города.

Мой автомобиль уже стоял у обочины. Чёрный «Мерседес» — не последняя модель, но в идеальном состоянии. Водитель, как обычно, любезно открыл мне дверь.

—
Доброе утро, Сергей Юрьевич.

Георгий улыбнулся — вежливо, но без подобострастия. Высокий мужчина, крепкого телосложения, ему было где-то за пятьдесят. Седина на висках. Взгляд живой, цепкий. Чувствуется опыт, который можно приобрести только на войне или боевых операциях. За три года работы у меня я так и не узнал о нём ничего большего — о его жизни, о прошлом, о планах на будущее. Но, возможно, я и не хотел этого сознательно. Он был для меня функцией, которая работала исправно, чётко и без сбоев. Мне этого было достаточно.

—
Здравствуй, Георгий.

Я сел в машину. В салоне, как всегда, приятно пахло. Кожаные сиденья были отполированы и начищены до блеска. Машина выглядела как из салона. За это я уважал своего водителя — он следил за ней как за своей и за это получал достойную зарплату.

Я открыл мини-холодильник. В нём, как обычно, была моя любимая вода без газа оптимальной температуры. Всё идеально и чётко. Как всегда. Идеальное утро.

За тонированными стёклами медленно проплывал серый, сонный мегаполис. Сотни людей почти строем двигались по улицам города, медленно стекаясь в метро. Через одного, как под копирку, уткнувшись в свои телефоны, либо настолько загруженные своими проблемами, что не видят ничего перед собой и двигаются как заведённые игрушки в этом бесконечном колесе жизни.

Я любил отождествлять себя с ними. Притворяться, что я такой же обычный человек, как они, и понимаю их проблемы. Истинный же взгляд на мир и на людей у меня был, есть и будет совершенно иной.

Мой отец начинал с нуля. В девяностые, когда страна рушилась, он скупал то, что другие продавали за бесценок. Заводы. Фабрики. Землю. Потом — банк. Потом — ещё один. К концу жизни у него было всё: деньги, власть, связи. И Башня — его главный памятник. Мне оставалось только не растерять то, что он создал. И я не растерял. Я приумножил. Банки, инвестиции, недвижимость. Сотни людей работают на меня, даже не зная моего лица. Власть — это когда твоё имя не произносят вслух, но каждый знает: лучше не трогать.

С самого детства меня воспитывали с мыслью о том, что я лучше, чем все остальные дети. И на это были свои причины. Я родился в семье, где нужды в деньгах не было никогда. С детства я получал всё только самое лучшее. Лучшая одежда. Лучшее образование. Лучший отдых.

Даже находясь в обществе других детей с такими же богатыми родителями, я чувствовал себя лучше, чем они. Их я воспринимал как возможности, связи, порой как расходный материал. Ещё в то юное время я уже умел притворяться — улыбаться, когда и как нужно, постоянно надевать маски на своё лицо.

Это жестоко и бесчеловечно по отношению к своему ребёнку — давать подобные установки. Но я благодарен своим родителям за то, что дали именно такое воспитание. Ведь именно оно дало возможность подняться в жизни так высоко. Почти достичь уровня своего отца, но при этом уже ни в чём не нуждаться. Никто из нашей семьи не нуждался сейчас ни в чём — ни моя сестра Полина, ни даже мой брат-наркоман, который сейчас опять лечится в одной из лучших клиник страны.

Боже, как же он надоел мне. Слабый. Безвольный. Никчёмный. Надеюсь, он уже скоро сдо...

—

Сегодня вы как-то особенно задумчивы, Сергей Юрьевич.

Слова водителя выдернули меня из неожиданно напавших раздумий.

—

Всё в порядке, Георгий. Пустяки.

Вот и весь диалог за утро. Как и все три года до этого. Водитель понимал, что лишние расспросы не приведут ни к чему определённомu, а создавать видимость интереса к моей личной жизни он не умел. За что я ему был безмерно благодарен. Среди всех, кто меня окружает, он был самым искренним в своём безразличии и не заискивании предо мной. Если бы у меня была душа, он стал бы мне настоящим другом. Но это всё лирика.

—

Сегодня вечером ты свободен, Георгий. Я останусь поработать в офисе подольше, потом самостоятельно доберусь на такси.

—

Вас понял, Сергей Юрьевич. Если я понадобится — сразу звоните.

Это была дежурная фраза. Мы оба понимали, что он никогда не откажет, даже если я позвоню ему в выходной день, ночью, хотя в нашем договоре с ним чётко прописаны рабочие дни и часы. Повторюсь, Георгий был иной — старой закалки. В его голове было простое «надо — значит надо», без вопросов и пререканий.

—

Мы почти приехали, Сергей Юрьевич.

Машина повернула к площади, в конце которой красовалась как Вавилонская башня — высокое офисное здание. Некий монумент успеха. Осязаемый успех. Но в народе её называли «Башней Дьявола» из-за владельца, что построил её. И нет, это не я удостоился такого звания. Это всё наследие моего отца. Как с положительными финансовыми и статусными плюсами, так и с негативным багажом, который мой отец усердно копил за свою долгую жизнь. Но сейчас не об этом.

—

Георгий, останови, пожалуйста, в начале. Я хочу пройтись сегодня.

—
Как скажете, Сергей Юрьевич.

Машина плавно остановилась. Водитель открыл мне дверь, и я вышел.

Площадь перед зданием представляла собой прямую линию, выполненную из белоснежной тротуарной плитки, которую, к слову, каждое утро намывают до блеска. По бокам, вдоль всей площади, расположились величественные дубы, чередуясь с вычурными столбами освещения. Вся эта красота казалась нетронутой. Девственно чистой. Не потому что на площади не было скамеек, а значит, не собирались личности разной степени маргинальности. Не потому что это была закрытая территория — любой желающий мог пройти по ней, сделать фото и прочие вещи, не противоречащие общественной морали и порядку. Всё было чисто и нетронуто лишь потому, что в высоких деревьях незаметно расположены сотни камер с отличным обзором.

Поначалу, после строительства, были сотни случаев вандализма — банального свинства. После этого мой отец установил камеры и поставил недалеко от площади две тонированные машины, в каждой из них посадил по два охранника — ребята здоровые, накачанные, молчаливые. В башне сидел отдельный оператор, который следил именно за камерами на площади. Через пару недель и несколько сломанных рёбер любители свинства и непотребного поведения перестали появляться, а также пустили слух, который распространился по всему городу.

Отец сделал эту площадь как некую тропу к величию. Как дорогу наверх, которую мог опробовать каждый — но лишь поцеловать основание трона в конце. Ничего, кроме гордыни и самолюбования, в этом сооружении не было. Поэтому отец так ревностно относился к безопасности в самом начале, не жалея денег.

Каждый раз, хоть это и бывает редко, я, проходя весь путь до офиса, буквально ощущаю, как он смотрит на меня. Я не имею в виду камеры. До сих пор я чувствую, как его авторитет, его власть всё ещё давит и способна угнетать меня. Пусть даже немного, где-то на задворках сознания, но всё же. Это даёт мне мотивацию расти. Стать лучше. Сильнее. Могущественнее. Чтобы наконец-то не ощущать даже капельки власти над собой.

И вот снова я медленно шёл по этой белой плитке. В это утро, на удивление, я был один, хотя на площади всегда проходили сотрудники, спешащие на работу. Небо над городом было серым, низким, тяжёлым. Осенняя дымка висела в воздухе, размывая очертания дубов и фонарей. Чем дальше я шёл, тем всё больше мне казалось, что башня скрывается за туманом, который появился внезапно. На улице была ранняя осень, и площадь с офисом находились на берегу реки, протекавшей через весь город. Но всё же этот туман показался мне неестественно густым. Плотным. Резким.

Через пару десятков шагов я перестал видеть, что происходит в метре от меня. Мои шаги гулким эхом звучали в этой молочной тишине. Шаг за шагом меня не покидало ощущение, что я слышу чьи-то посторонние шаги за собой.

Я обернулся назад и не увидел ничего, кроме густой пелены тумана.

Я поудобнее перехватил трость и пошёл дальше. По моим подсчётам, я уже должен был дойти до офиса, но впереди был всё такой же непроглядный туман. Шаги за мной стали всё более явными и звучали намного ближе.

Я достал из кармана телефон, чтобы позвонить охране, но не успел.

Тёмная тень промелькнула слева, и я почувствовал тупой удар в бок. Инстинктивно я отмахнулся тростью, но она лишь пролетела в воздухе, не задев никого. Глаза начали искать нападавшего, но вокруг меня был лишь непроглядный туман.

Я почувствовал, как левый бок стал мокрым. Приложив ладонь и подняв её к глазам, я увидел кровь. На мгновение я впал в ступор — и это чуть не стоило мне жизни.

Тень снова показалась уже справа. Я нажал на кнопку на трости и высвободил спрятанный в ней клинок. Почти вслепую я ткнул острым лезвием в сторону предполагаемого нападавшего и почувствовал, как лезвие воткнулось во что-то мягкое. Кто-то истошно закричал.

Я, высвобождая клинок, лишившись сил, упал на белоснежную плитку, марая её кровью, которая пошла сильнее из-за моих движений. Лежал на спине, не в силах подняться. Мой телефон лежал поодаль от меня, и я почти до него дотянулся, но кто-то наступил мне на руку, тем самым прекратив мои попытки к спасению.

Последнее, что я помню: фигура в чёрном плаще с капюшоном склонилась надо мной, и на меня смотрели два горящих безумием глаза. Удар в грудь чем-то тупым. И моё сознание покинуло меня.

2.

«Не надейтесь на грабительство и не тщеславьтесь хищением; когда богатство умножается, не прилагайте к нему сердца.» Псалом 61:11

Я пришёл в себя в больничной палате. Белый потолок. Запах спирта и карболки — такой же, как в операционной. Только здесь не спасали жизнь. Здесь её поддерживали.

Первое, что я почувствовал — тупая боль в боку. Она пульсировала в такт сердцебиению: тук-тук, тук-тук. Я попытался пошевелиться, и боль стала острее. Ремешки на запястьях не давали двигаться — стандартная процедура для пациентов после операции. Но от этого знания было не легче.

—

Очнулись, Сергей Юрьевич?

Голос принадлежал врачу — сухому, пожилому мужчине в белом халате. Он стоял у окна и что-то записывал в планшет. Его лицо было спокойным, почти равнодушным. Такие лица я видел сотни раз — люди, которые выполняют свою работу, не более того.

—

Сколько я здесь? — голос прозвучал хрипло, горло саднило.

—

Около суток. Рана неглубокая, задеты мягкие ткани. Вам повезло — нападавший не был профессионалом. Лезвие прошло по касательной, не задев жизненно важных органов.

—

Где Георгий?

—

Ваш водитель? Он здесь. Дежурит в коридоре с ночи. Очень преданный человек.

Врач закрыл планшет и вышел, оставив меня одного. Я смотрел в белый потолок и пытался осознать произошедшее. На меня напали. На меня — Сергея Юрьевича, сына своего отца, владельца Башни. Кто-то посмел поднять руку. Кто-то посмел нарушить незыблемость моего мира.

Эта мысль вызывала не страх. Она вызывала что-то другое — жгучее, неприятное, чего я давно не испытывал. Унижение. Меня унизили. Меня — человека, который всегда был выше этого. Кто-то решил, что может просто так взять и ударить меня ножом на моей собственной площади. На площади моего отца.

Я не знал, кто это был. Не знал, зачем. Но я знал одно: я узнаю. И когда узнаю — этот человек заплатит.

—

Сергей Юрьевич.

Георгий стоял в дверях. Его лицо было спокойным, но я заметил тени под глазами — он действительно не спал всю ночь.

—

Георгий. Рассказывай.

Он вошёл и сел на стул рядом с кроватью. Без лишних движений, без суеты. Я ценил это в нём.

—

Нападение было совершено около девяти утра. Вы прошли примерно половину площади, когда вас атаковали. Охрана среагировала через три минуты, но нападавший скрылся в тумане. Вы потеряли сознание от второго удара — в грудь. Возможно, хотели оглушить, а не убить.

—

Или напугать.

—

Да. Или напугать. Полиция уже работает. Они взяли показания у охраны, у администратора, у меня. Но пока — ничего. Нападавшего не нашли.

Я слушал его и чувствовал, как внутри поднимается волна гнева. Не холодного, не расчётливого — горячего. Я не привык быть жертвой. Я не привык лежать на больничной койке и ждать, пока другие разбираются с моими проблемами.

—

Кто-то заплатит за это, — произнёс я вслух, не заметив, что говорю.

Георгий промолчал. Он просто смотрел на меня — и в его взгляде было что-то, чего я не мог понять. Не жалость. Не сочувствие. Скорее — понимание. Как будто он знал, что я скажу эти слова ещё до того, как я их произнёс.

—

Мне нужно выйти отсюда, — сказал я. — Сегодня.

—

Врачи рекомендуют остаться ещё на сутки.

—

Мне плевать, что они рекомендуют. Я не собираюсь лежать здесь и ждать, пока кто-то решит, что я слишком жив.

Георгий кивнул. Он понимал. Он всегда понимал.

—

Я договорюсь.

Он встал и вышел. Я снова остался один. Смотрел в потолок и думал о том, что теперь всё изменится. Не знал ещё, как именно. Не знал, что это только начало. Но чувствовал — прежней моя жизнь уже не будет. Кто-то перешёл черту. Кто-то осмелился. И я не собирался оставлять это без ответа.

Я закрыл глаза и начал дышать — медленно, ровно, успокаивая пульс. Гнев отступил. Но осталось другое чувство. Холодное. Твёрдое. Я ещё не знал, как оно называется. Узнаю позже.

3.

*«Ибо что за польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душе своей повредит?»
Марк 8:36*

Меня выписали через день. Георгий договорился — он умел договариваться. Врач что-то говорил о покое, об ограничении нагрузок, о повторном осмотре через неделю. Я не слушал. Всё это было неважно.

Машина мягко плыла по вечернему городу. За окном проплывали знакомые улицы, витрины, огни. Но сегодня я смотрел на них иначе. Что-то изменилось. Не в городе — во мне. Как будто кто-то сорвал тонкую плёнку, через которую я привык смотреть на мир. Всё стало резче. Контрастнее. И одновременно — более чужим.

— Вас подвезти куда-то ещё, Сергей Юрьевич?

— Нет, Георгий. Домой.

Дом. Квартира в двадцатиэтажной башне — не той, офисной, а жилой. Пентхаус с панорамными окнами и видом на реку. Я купил её пять лет назад, когда ещё был жив отец. Он не одобрял — считал, что я должен жить в особняке, как подобает наследнику. Но я устал от особняков. Устал от огромных пустых комнат, в которых эхо разносит шаги. Захотелось простора. Света. Высоты.

Лифт поднял меня на последний этаж. Двери открылись — и я замер.

Напротив, у двери своей квартиры, стояла она. Соседка. В том же тёмно-синем платье, что и вчера. Только теперь она была не одна. Рядом с ней стоял мужчина. Высокий. В дорогом, но безвкусном костюме — слишком много блеска, слишком много часов, слишком много всего. Он что-то говорил ей — тихо, но настойчиво. Она слушала, опустив глаза.

Я вышел из лифта. Мужчина обернулся на звук шагов и замолчал. Посмотрел на меня — оценивающе, как смотрят конкуренты. Я знал этот взгляд. Так смотрят люди, которые привыкли мерить всех деньгами.

— Добрый вечер, — произнёс я, не глядя на него.

Соседка подняла глаза. В них что-то мелькнуло — не радость, не страх. Скорее, облегчение. Как будто моё появление дало ей повод закончить разговор.

— Извините, мне пора, — сказала она мужчине и быстро скрылась за дверью.

Мужчина проводил её взглядом, потом посмотрел на меня. Я ответил ему тем же — холодно, без тени эмоций. Он хмыкнул, развернулся и ушёл к лифту.

Я открыл дверь и вошёл в квартиру. Тишина. Полумрак. Я не стал включать свет — просто снял пальто, бросил на спинку кресла и подошёл к окну. Город внизу жил своей жизнью: огни, машины, люди. Я смотрел на них и думал о том, что произошло.

На меня напали. На моей собственной площади. Среди бела дня. Кто-то решил, что может просто так взять и ударить меня ножом. Кто-то заплатил за это. Кто-то думает, что я умру — или испугаюсь. Или и то, и другое.

Я не знал, кто это был. Но я узнаю.

Боль в боку снова напомнила о себе. Я поморщился и отошёл от окна. Налил себе воды из графина — никакого коньяка, никакого виски. Сейчас мне нужна была ясная голова. Завтра я вернусь в Башню. Завтра я посмотрю на всё свежим взглядом. А пока — тишина. Одиночество. И мысль о соседке — почему-то она застряла в голове и не отпускала. Не потому, что я за неё переживал. Просто что-то в этой сцене у лифта было неправильным. Что-то, чего я не мог понять. Как будто ещё одна трещина в идеальной картине моего мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.